

Сергей
Север

Суреймский
МИЛЛИОН

Сергей Север

Ничейный миллион

«Издательские решения»

Север С.

Ничейный миллион / С. Север — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830192-6

Описанная в романе история повествует о группе молодых студентов, случайно узнавших о том, что в одном коттеджном поселке их бывший, ныне покойный одноклассник незадолго до смерти спрятал целый миллион наличности. У каждого из круга узнавших о деньгах, разумеется, появляются свои виды на этот ничейный клад. Да еще чем ближе молодые люди подбираются к заветному миллиону, тем больше становится ясно, что события эти являются всего лишь звеном в цепочке какого-то куда более масштабного заговора...

ISBN 978-5-44-830192-6

© Север С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	16
4	21
5	25
6	28
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ничейный миллион

Сергей Север

© Сергей Север, 2016

© Александр Кудрявцев, дизайн обложки, 2016

Редактор Александр Шерстюк

Корректор Александр Шерстюк

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Бог дал путь, а черт крюк.

Бог кажет путь, а черт вкинул крюк.

(Посл.)

Семенова стояла в нерешительности. Кате было невероятно страшно находиться у незнакомого, нежилого двухэтажного особняка, в полтретьего ночи смотреть на украшенную замысловатыми резбовыми рисунками входную дверь. Появилось жгучее желание поскорее убежать из этого жуткого места. Девушка все-таки пересилила страх, мотивируя себя тем, что затеяла все ради своей младшей сестренки, и другого выхода у нее все равно нет. Зажмурившись, она шагнула к злополучному входу в дом. Дрожа всем телом, одной рукой прикоснулась к круглой ручке, ощущая себя последней мерзкой воровкой. Второй рукой она извлекла из кармана куртки дверные отмычки, то небольшое, что досталось Кате в наследство от нечистого перед законом покойного отца с весьма темным прошлым, с которым Катя провела все детство, ее мать скончалась еще при родах. Он, собственно, и научил, будучи почти всегда в состоянии алкогольного опьянения, свою, тогда еще малолетнюю, дочь орудовать отмычками, взламывая квартиры. Он даже пару раз брал ее с собой на «дело». Тогда маленькой Кате это виделось благородным поступком, во всяком случае, так уверял ее отец. Она шла не на преступление, а на исполнение святого долга перед благоговейным родителем, который боролся с тяжелой, неизлечимой болезнью, так неоправданно и несправедливо ниспосланной на него. Так он объяснял дочери свой алкоголизм. И девочка искренне считала себя приверженкой добродетели. Она и не подозревала, что, в случае неудачи в планах ее родного отца было просто бросить ребенка на произвол судьбы и, тем самым, выгородить себя, отрицая всякую связь с девочкой. Однажды этот пропащий алкоголик даже продал Катю заезжему сутенеру, который искал на русском Севере новых жертв для турецких курортных увеселительных заведений. Но девочка умудрилась сбежать от него в самый день отлета из города и со слепой преданностью вернулась к любимому отцу. Тому не составило труда слезно внушить наивному ребенку, как он был убит горем, как прочесал весь город в поисках дочери и как не находил себе места. Катя, разумеется, всецело поверила. Кто знает, до чего докатилась бы вполне симпатичная, милая девушка в руках этого жалкого вора и эксплуататора, если бы тот не скончался от цирроза печени, прямо у себя дома, в съемной загаженной квартире, в рассаднике тараканов и клопов, с бутылкой дешевого пива в руках. Кате тогда едва исполнилось восемнадцать.

Девушка поднесла отмычку к замочной скважине, но дверь неожиданно легко поддавалась и без ее вмешательства. Она была открыта. У Кати сердце ушло в пятки. Внутри непроизвольно все словно сжалось в крохотный клубок. Ноги сделались ватными и совершенно перестали слушаться. Не сразу девушка смогла взять себя в руки. Она непрерывно про себя повторяла имя своей, находящейся при смерти, младшей сводной сестры. Катя узнала о ней сразу после смерти отца. Случайно наткнулась на паспорт покойного, когда обнаружила его посиневшее тело, вернувшись в тот день вечером домой. Полтора года прошло, прежде чем Катя смогла отыскать шестилетнюю Дашу Семенову в одном из областных детских домов. К несчастью, долгожданная встреча двух сестер оказалась совсем безрадостной. Даша была тяжело больна. Почечная недостаточность. Требовалась донорская почка и кругленькая сумма на ее приобретение. Катя пыталась заработать необходимые восемнадцать тысяч долларов, озвученные в больнице, но тщетно. Задача оказалась невыполнимой. Чтобы девушка ни делала: будь то работа до изнурения, или даже прошение милостыни в интернете, денег все равно катастрофически не хватало. За совсем короткое время сестры очень сдружились и полюбили друг друга. Катя регулярно навещала Дашу в больнице, куда ее впоследствии перевезли из детского

дома на лечение. Они много говорили о своем будущем. Притом в своих мечтах они представляли себя здоровыми и счастливыми, и от этого у Кати на душе становилось еще тяжелее. Время шло, а она откровенно не справлялась. Сумма оказалась непосильно велика. Девушка уже совсем отчаялась, но в один прекрасный момент все решил случай. Госпожа судьба задумала еще раз проверить Семенову на стойкость, подбросив очередной неожиданный поворот.

Ровно неделю назад уже с самого утра настроение Кате испортила ужасная новость. Ей позвонили из областной больницы и сообщили, что врачи обозначили сроки, в которые Даше просто необходимо сделать операцию. Если этого не произойдет, то через три, четыре месяца уже будет поздно. Доктор сказал – донор есть, и из жалости к девочке согласился даже тянуть до последнего все это время. Но и это едва ли могло помочь. У Кати не было и половины необходимой суммы. Девушка пребывала в полностью опустошенном состоянии. Ее охватил страх лишиться единственного родного человека, которого она успела полюбить больше жизни, и вновь остаться одной. Руки опускались от безысходности. Она забыла про все свои дела и бесцельно слонялась по городской набережной, не замечая ни чудесной солнечной погоды, ни оживленно снующих вокруг и куда-то спешащих прохожих, ни небольшие спортивные яхты с белоснежными парусами, стремительно разрезающими своими острыми носами волны красавицы реки – Северной Двины. Так прошло полдня. Семенова опомнилась только тогда, когда асфальтовое покрытие набережной почти уперлось в насыпь. С нее начинался железнодорожный мост на другой берег, который можно смело окрестить «дорогой жизни». Это один из двух существующих путей, ведущих за черту города. От длительной прогулки ни настроение не улучшилось, ни сознание не прояснилось. Только вот оказалось, что Катя жутко проголодалась. Рассеянно оглянувшись по сторонам, она задумалась, где поблизости можно перекусить. Девушка вернулась обратно по набережной до улицы Урицкого и свернула во дворы, где в одном из домов находилось весьма простенькое кафе «Терраса». Мрачнее тучи она зашла внутрь помещения и, грузно опустившись за первый попавшийся столик, стала бездумно листать принесенное официантом меню. Только Семенова снова поддалась давлению своих грустных размышлений, как вдруг ее привлек шепот за соседним столиком, притом собеседники за тем столом именно перешептывались, хотя в кафе почти не было народа, а приглушенная музыка едва прослушивалась, так, что даже слова играющей песни не различались. Если бы они говорили громко или хотя бы в полголоса, Катя не обратила бы на них никакого внимания и не уловила бы ни слова. А странный шепот разбудил в ней какое-то острое необъяснимое любопытство, и девушка напрягла свой слух. Говорили двое молодых людей:

– ...значит, в том коттеджном поселке в одном из домов спрятана огромная сумма денег, о которой все забыли, ее владелец мертв, а больше никто не в курсе? – произнес один из парней с очень манерным и приятным голосом. Так говорят сильные и уверенные в себе люди. – Более того, ты и меня призываешь в это поверить?

– Да! Хотя, нет! Я не призываю, а умоляю! У меня ведь нет другого выхода, ты же знаешь! – второй голос, даже через шепот, показался Кате слишком уж высоким для взрослого молодого человека, почти детским. Кроме того создавалось впечатление, что с ним сейчас случится нервный срыв. Этот голос показался девушке знакомым. – Пожалуйста, мы должны хотя бы попробовать! Это какая-никакая надежда!

Катя с замиранием сердца пугливо сделала едва заметный поворот головы в сторону двух парней. Боковым зрением она смогла распознать в одном из них своего одноклассника. Это был Писарев Борис Анатольевич. Очень дотошный и заурядный юноша, даже, можно сказать, зануда. Еще он вечно совал свой длинный с кавказской горбинкой нос в чужие дела. Его черные, как уголь, глаза под очками с довольно сильными линзами из-под таких же черных густых бровей постоянно с подозрением впивались во всех окружающих, словно в поисках какого-либо занятого компромата. Ходили слухи, он состоял на короткой ноге с лектором факультета в университете. Во всяком случае, обо всех серьезных проступках группы непременно стано-

вилось известно всему руководству, и неизбежно следующее за тем наказание так или иначе, под разными предлогами, обходило Писарева раз за разом. Однако прямых доказательств тому ни у кого не было. Все знали о его сволочном характере, но уличить его в этом не получалось. Все окружение Бориса избегало общения с ним, и никакого авторитета в группе он не имел. А вот чего у Писарева было не отнять, так это стремления к учебе. Он единственный в группе был круглым отличником. Писарев был очень умен, даже слишком. Это, собственно, было и его минусом, в том числе. Кроме как об учебе с ним и поговорить-то было не о чем. Это делало парня невероятно скучным и отталкивало от него как девушек, так и парней. А самая главная его отрицательная черта была страсть к азартным играм. Боря сутками мог просидеть в игровых автоматах и проигрывал абсолютно все, порой даже вытаскивая вещи из дома. Пару раз его приходилось забирать из лап «однорукого бандита» родственникам, девушкам из группы и даже преподавателям, дабы азартный игрок не потерял хотя бы свою одежду, которую уже всерьез потащил продавать. Не сложно догадаться, что Писарев был жутко невезуч и почти никогда не выигрывал. Однако даже это его не останавливало, и он продолжал играть. В 2009 году вступил в силу федеральный закон о запрете игорного бизнеса, что, к облегчению многих, Писарева немного остепенило.

Второй же незнакомый Кате человек, сидевший напротив Бориса, совсем на занудного ботаника не походил. Он был прекрасно сложен, строен, с идеальной осанкой. Загеленные крашенные белые волосы взъерошены в разные стороны. Но всех больше в этом человеке девушку привлекали его голубые глаза. Парень показался Кате симпатичным. Пожалуй, даже очень...

Разговор тем временем продолжался:

– Ладно, ладно. Не истери! Сколько, ты говоришь, там в сумме мается?

– Один миллион рублей! Это же огромные деньжища! – зашипел Писарев совсем уж тихо. Девушке даже пришлось слегка податься назад на своем декорированном под бархат диванчике.

– Что ж, конечно, больше похоже на бред, но плод так, как ты его преподносишь, похоже, действительно сладок. Допустим, я тебе поверил. Тот коттеджный поселок у Малых Карелл весьма велик, а значит, может уйти не один день, чтобы найти нужный дом. И еще, что, пожалуй, главное: за свою помощь возьму с тебя половину.

– Идет! Только помоги, Мишенька, и я с радостью уступлю тебе пять сотен!

– Хорошо. Тогда подготовительный процесс я всецело возлагаю на себя, а тебе остается ждать. Единственное, о чем тебя прошу, это потрудись обеспечить неразглашение нашего с тобой предприятия, нам ведь ни к чему лишние голодные рты, верно?

– Кстати, о неразглашении, – вновь угасла появившаяся на довольной физиономии Писарева улыбка, – один конкурент у нас уже точно есть.

– Это скверно.

– На записку Легостаева вообще и наткнулся-то не я. Ее нашел один дурачок из нашей группы, шестерка Бутовского – Земцов. И он воспринял ее серьезно, хоть и пытался это скрыть. Я же сделал вид, что считаю пропавший миллион не более чем бредовой глупостью. Еще был третий – Лунев, но тот действительно ничего не понял.

– А вот это уже прекрасная новость, – тут же отозвался Михаил, наслаждаясь недоумевающим выражением лица своего собеседника и упорно отгоняя от себя мысль, что в вопросе о шестерках у них с Бутовским много общего. – Это наше преимущество. Мы знаем об их намерениях, они о наших не догадываются. Это можно использовать в своих целях...

Самолюбивая ухмылка Михаила передалась и на Писарева, и тот стал подхихикивать своим тонким женским голосом с явно поднявшимся настроением. Катя сидела не жива, не мертва. В голове плавало множество противоречивых мыслей. С одной стороны, как можно было ей, в недалеком будущем креативному рекламному агенту с высшим образованием, пускай пока незаконченным, поверить в такую заоблачную сказку! Уж слишком гладко все выхо-

дило: потерялся миллион, его хозяин умер, деньги спрятаны, и никто о них не знает... Да нет, бред какой-то. С другой стороны, мысль о больной любимой сестре так и толкала даже в подобного рода авантюру. Кроме того, стоило отдавать себе отчет, что такую значительную сумму могли найти и раньше. Намеренно или случайно кто-то знавший о деньгах из окружения покойного или случайный свидетель. На фоне всего этого мнительную девушку параноидально мучил страх, что два разговаривающих парня за ее спиной заметили, как она подслушала все до единого слова, и тотчас обрушатся на нее с угрозами, и это, разумеется, тоже уверенности не добавляло. Однако время шло, а ничего подобного не происходило. Ребята мирно ели и в разговоре уже не упоминали чего-либо, что касалось того самого миллиона, оказавшегося для всех «ничейным». В итоге осознание того, что у Кати появилась хоть какая-то призрачная надежда помочь маленькой Даше, взяла вверх, и она решила действовать! Эмоции так захлестнули ее, что Семенова сразу хотела выбежать из кафе и мчаться на подготовку своей диверсионной поисковой вылазки, но вовремя спохватилась. «Возьми себя в руки, глупая девчонка! Ведешь себя, как пятилетний ребенок! Что-что, а выбегающая из полупустого кафе девушка, только что сидевшая рядом с парнями, еще и одноклассница одного из них, точно наведет подозрения», – проговорила Катя мысленно самой себе. Она стала выжидать. Наскоро перекусив (от волнения Кате кусок не лез в горло), она все же решила выйти на улицу. Осознав, что опасность миновала, Семенова быстрым шагом двинулась в сторону дома, уже что-то прикидывая в голове. Еще через мгновение перешла на бег...

Катя, часто дыша, отворила дверь заброшенного коттеджа и проникла внутрь. Этот дом был единственным нежилым строением в поселке, о котором упоминал Писарев в кафе. Поскольку девушка понятия не имела, как искать спрятанный миллион в жилых коттеджах, начать решила именно с него. Какое-то время, постояв на месте, чтобы глаза, хоть немного, привыкли к темноте, девушка, затаив дыхание, на цыпочках двинулась дальше. Взору представился длинный коридор, уходящий во мрак. По стенам громоздилась то ли какая-то старая мебель, то ли еще сохранившиеся декоративные предметы интерьера, в темноте было не разобрать. В конце коридора обнаружилась еще одна дверь, вероятно ведущая в гостиную. Она также была не заперта, только на этот раз еще и приоткрыта. Проема вполне хватило, чтобы худенькая девушка проскользнула внутрь без шума, даже не коснувшись дверного проема. К Кате постепенно стало возвращаться самообладание. Она уже даже решила, что, если уж добралась до гостиной и не свалилась навзничь от сердечного приступа, то не попробовать отыскать спрятанный клад будет, как минимум, неразумно, и всерьез принялась обдумывать последовательность своих действий, как вдруг... в другом углу, судя по акустике, довольно внушительных размеров гостиной раздалась какая-то возня... У девушки внутри все перевернулось. В первое мгновение от леденящего страха она не могла даже вздохнуть, а только беззвучно шевелила пересохшими губами, как рыба, только что выброшенная на лед рыбаком. Первая пролетевшая мысль: «Бежать!» Семенова попятилась к двери. Но здесь ее ждал еще один сюрприз. Дальше события развивались столь стремительно, что девушка совсем перестала что-либо понимать. В гостиную из коридора вслед за ней еще кто-то зашел и с силой, видимо, никак не ожидая встретить на пути живое препятствие, наткнулся на нее. Катя хотела вскрикнуть, но не успела. Ее обидчик заорал первым, притом так пронзительно, как будто ему тупой ржавой ножовкой ампутировали ногу без наркоза. От этого истерического верещания сразу заложило уши. Так, наверное, кричат впечатлительные девчонки, скажем, увидев мышь. Но голос все-таки, пожалуй, был мужским. В этот момент где-то на втором этаже раздался звук трескающегося дерева, словно под тяжестью груза. Провалились пол или лестница, ведущая, вероятно, куда-то под самую крышу, может, на чердак. А дальше, в куда большей близости, раздался жуткий грохот, как будто кто-то скатился уже с другой лестницы, скорее всего, соединяющей этажи между собой. У Кати не осталось сил даже бояться. Она хотела просто скатиться по стенке на корточки, поджать под себя колени, зажмуриться и безропотно дожидаться своей

горькой участи. Не тут-то было. Надрывно визжащий человек вдруг замолк и с протяжным стоном повис на Кате. Не успев и опомниться, девушка уже лежала на холодном, грязном полу с обмякшим в обморочном припадке телом на груди. На несколько секунд воцарилась гробовая тишина. Вдруг справа от входа в гостиную раздался щелчок выключателя, и комнату озарил тусклый свет единственной лампочки, болтающейся на проводе под потолком в одном патроне. Гостиная оказалась действительно большой. Из нее выходило три широких окна, сейчас они были наглухо заколочены досками. Этим и объяснялась крошечная тьма, ведь по календарю приближались северные белые ночи, и на улице было довольно светло. Из мебели здесь был только шкаф с выставленными дверцами, накрытый полиэтиленовой пленкой. Судя по множеству банок из-под краски, шпаклевки и клея, громоздящихся вдоль стен, стремянке в одном из углов и огромному количеству строительной пыли, в помещении уже начинался капитальный ремонт, но по каким-то причинам был прерван и уже давно не возобновлялся. Уже успели отметить, воспользовавшись, судя по всему, здешней краской, и местные хулиганы, жирно выведя странную надпись на одной из стен – «Кеһана».

– Что ж, дорогое ворье, раз уж нас здесь так много, думаю, вы не будете против, если я внесу немного «освещенной» ясности. Другими словами – давайте знакомиться, господа! – произнес коротко стриженный молодой человек у стены, убирая руку с выключателя. Оказалось, все это время он стоял возле входа и единственный из всех присутствующих остался незамеченным. Катя сразу его узнала, это был еще один ее одноклассник – Игорь Бутовский. Помимо него и Семеновой в помещении находилось четыре человека. В дальнем углу с широко распахнутыми ошарашенными глазами неподвижно стояла девушка небольшого роста с длинными каштановыми волосами. С ней Катя не была знакома лично, но часто видела вместе с Бутовским. Звали ее Оля Вельветова, и она была участницей рок-группы Бутовского, играла на электрогитаре. С Игорем, вероятнее всего, ее связывали исключительно дружеские отношения. За Олиной спиной прятался с гораздо более напуганным видом еще один будущий рекламщик – Вадим Земцов, человек неприятной наружности и робкого характера. Он тоже постоянно крутился возле Бутовского с друзьями. Притом за какие-то заслуги все окружение Игоря его терпело, хотя своим поведением и чертами характера он во многом напоминал Писарева. У оригинально декорированной в античном стиле лестницы со слегка растерянным видом, весь в пыли лежал тот самый блондин из кафе, что обещал Писареву помощь, который, собственно, и наделал столько шума, рухнув со ступенек. Самым впечатлительным же, тем, кто грохнулся в обморок, придавив собой Семенову, оказался не кто иной, как сам Писарев. Все присутствующие, кроме по-прежнему бессознательного Писарева, с небольшой долей осторожности приблизились к центру гостиной, образовав некое подобие круга, и стали впиваться друг в друга оценивающими взглядами. Стояла полная тишина. Дело повернулось круто. Все-таки у этой самой леди, именуемой судьбой, неплохое чувство юмора...

2

*Плохо лежит – брюхо болит,
мимо пройти – дураком назовут.*
(Посл.)

В самый обычный подъезд самой обычной Архангельской «хрущевки», сильно запыхавшись, вбежал вполне заурядный парень лет двадцати. Как ветер, перепрыгивая огромными шагами через две, а то и три ступеньки, он взлетел на четвертый этаж и без остановки затревожил в дверь сорок седьмой квартиры. Спустя секунд десять терпения не хватило, и парень забарабанил кулаком. Еще через десять уже призывал хозяина квартиры впустить его:

– Игорь! Игорь, открой! Это я – Земцов! – слова сопровождалась ударами ног и свободной рукой по двери. Второй же рукой парень упорно давил на звонок. – У меня к тебе дело! Очень важное! Открой, пожалуйста!

Неизвестно чем бы все это закончилось, как злополучная дверь все же отворилась. На лестничную площадку нехотя в домашнем халате и тапочках вышел коренастый молодой человек примерно того же возраста, что и его незванный гость. Впрочем, возраст, наверное, был единственной общей чертой этих людей. Скорее, даже наоборот – один был точной противоположностью другого. Вадим Земцов был худощав, невысокого роста и с довольно сутулой осанкой. Лицо его постоянно покрывала россыпь красных прыщей. Маленькие серые зрачки его глаз быстро бегали по сторонам, долго не фокусируясь ни на одном месте, словно парень постоянно пребывал в каком-то суетливом состоянии. Вот и сейчас, разговаривая с Игорем, он смотрел то на перила, то на стены, то на тускло мерцающую лампочку накаливания под потолком. И лишь изредка бросал взгляд на собеседника. Игорь Бутовский же, наоборот, был статен, высок, прекрасно сложен. Явно поддерживал свою форму в одном из тренажерных залов города. Кроме того, был весьма хорош собой, что, конечно, не оставалось без внимания слабого пола. В характере Игоря чувствовалась полная самоуверенность, пожалуй, даже избыточное честолюбие. Отсюда и в этой неожиданной встрече с Земцовым, он, еще не отошедший ото сна и оттого прищуриваясь, смотрел на оппонента с изрядной надменностью.

– Чего тебе, Лягушонок? – обратился он к Земцову, которого прозвали так из-за его как будто приквакивающего смеха.

Вадим вообще редко смеялся. Может, из-за своей скромности, а может, и из-за закомплексованности, просто-напросто стеснясь своего произвольного выражения радости. Но если уж был уличен, то окружающих переполняла эйфория не столько от шутки, от которой рассмеялся он, сколько от производимых им звуков.

– Дело есть! Я кое-что выяснил! Запустишь меня? Тебе надо это увидеть! – начал Земцов в своей рассеянной манере, отрывками быстро выговаривая фразы.

– Ты на часы смотрел? Полседьмого утра!

– Это срочно! – Лягушонок сделал движение в сторону дверного проема, но наткнулся на выставленную Игорем руку.

– А если бы меня дома не было? Или я чем-то, пусть и дома, очень важным занят? – продолжал распыляться Бутовский.

– Да какие дела в полседьмого утра... – Земцов не договорил, из-за спины Игоря выскочила растрепанная блондинка. Небрежность в одежде говорила о том, что, одеваясь, она сильно торопилась. Девушка молниеносно бросилась вниз по лестнице. Через мгновение за ней уже хлопнула дверь подъезда. Из-за смущенно опущенной на лицо челки Вадим так и не разобрал, знаком ли он с ней, а вот как она зардела стыдливой краской, было видно и из-под ее красивых

волос. Тут же покраснел и Земцов. Хотел было как-то оправдаться перед Игорем, извиниться, но так и замер, как вкопанный с открытым ртом, не подобрав нужных слов.

– Ну что ты глазенками своими хлопаешь? Уж заходи, раз приперся, теперь-то че? – с минуту наслаждаясь беспомощной реакцией приятеля, все же облегчил его участь Игорь и первым шагнул в квартиру.

Лягушонок стыдливо засеменил за ним.

– Проходи на кухню! – крикнул Бутовский уже из комнаты.

Вадим сел на старую, но все еще прочную массивную табуретку за сплошь заставленный грязной посудой стол.

– Я не стал бы тебя беспокоить так рано из-за пустяков, Игорь, – осторожно заговорил он, все еще чувствуя себя виноватым.

– Да уж надеюсь, – послышался приглушенный голос из-за закрытой двери в комнату. – Ну, выкладывай, с чем пришел?

Игорь вышел, уже надетый в белую футболку, бриджи и сланцы на босую ногу.

– Я узнал, где можно достать денег на наш клип! – выпалил Земцов.

– Да ладно, мы это уже обсуждали, нет у нас пока таких возможностей. Оставь ты эту затею! Занялся бы чем-нибудь полезным, хоть учебой что ли, – Игорь, явно разочарованный, опустил на стул напротив Вадима, придвинул к себе пепельницу и раздраженно закурил. – Если это все, ради чего ты разбудил меня в половине седьмого утра, ты должен быстро придумать причину, почему я не могу разбить тебе об голову... да хоть вот эту вазу со вчерашними фруктами.

Бутовский прекрасно помнил, как еще совсем недавно он со своей группой, преисполненной морем амбиций, грезил о признании и славе на музыкальном поприще. Они прилагали для этого немало усилий. Тратили свое время и средства на участие во всевозможных рок-фестивалях. Исполняли свои новые песни в одном из рок-клубов города – «Колесо». Молодой коллектив мечтал о собственном клипе, чтобы заявить о себе, показать себя людям. Уже даже существовала договоренность с одним московским кабельным телеканалом о предоставлении эфирного времени за сравнительно скромное вознаграждение. Называлась группа Бутовского «Увертюра», тому было более чем простейшее объяснение: первую свою песню ребята сочинили как увертюру к университетскому концерту в честь Святого Валентина. Как-то надо было представиться зрителям, и один из участников ляпнул первое, что пришло в голову. Никто спорить не стал, о рождении коллектива речи тогда еще не шло. А в итоге название так и прижилось. Три парня и две девчонки – участники группы, всеми силами пытались осуществить детскую мечту, упорно, шаг за шагом, продвигаясь к цели. Много работали, копили деньги на видеоклип, отставляли на второй план учебу и семью. Часто об этом говорили, обсуждая свое будущее творение до мельчайших деталей. Были уже даже готовы слова песни и музыка, автором которых был Бутовский с бас-гитаристом, еще одним человеком из состава «Увертюры», – Димой Бессоновым. Но тех самых пресловутых денег-то как раз и не хватило. Бутовский с друзьями не смогли уложиться в отведенные телеканалом сроки и накопить необходимую сумму, что вчера вечером, как бы всем ни было паршиво, пришлось признать на репетиции в их арендованной студии.

– Да выслушай же ты меня, наконец! Тут совершенно точно верняк вырисовывается! Помнишь, в прошлом году ездили на «Drag Racing» на аэродром Лахта в поселок Катунино? В гонках тогда участвовал парень из нашей группы – Легостаев, который еще разбился в автокатастрофе почти сразу после гонок?

– Допустим, это здесь при чем? – Бутовский смотрел на приятеля с большим ироничным сомнением.

– Они же катались на деньги!

– Да, но как это с нами связано?

– В том-то и дело, что с этого момента – непосредственно! – Земцов от нетерпения даже заерзал на стуле. – Официально они гонялись за общий банк, который своими же вкладами и создавали. Он был приличен, но все же невелик. Однако был и подпольный тотализатор. Его организовал некий Красников, и вот там ставки зашкаливали до небывалых высот. Люди там проигрывали целые состояния! Гонщикам на этом тотализаторе играть строжайше запрещалось, дабы избежать подстроенных финишей непосредственно пилотами. Уверен, многие участники о нем даже не догадывались. Сам же Красников наверняка покупал многие гонки, потому как уже достаточно давно имеет с этого мероприятия стабильный неплохой доход. Ну а гонщики там вроде беговых лошадей на ипподроме, выступают за «покушать».

– Не пойму, к чему ты все это рассказываешь мне? – Бутовский все еще пренебрежительно относился к словам своего собеседника, однако чувствовал, что любопытство все-таки берет верх над ним.

Это еще больше подстегивало Земцова, и он продолжал, все быстрее проговаривая свои отрывистые фразы:

– Слушай дальше! Вчера на субботнике, который вы, кстати, всей толпой успешно прогуляли, мы проводили уборку в нашей аудитории.

Бутовский лишь ухмыльнулся в ответ. Действительно, хорошие две трети группы считали неслыханным унижением присутствовать на подобного рода мероприятиях и, конечно, на них не ходили, пользуясь мягкостью характера своего еще молодого куратора – Сальникова Эдуарда Семеновича, который сам только выпустился из педагогического и едва успел приступить к работе. На всевозможные дежурства и субботники оставалась малая часть группы, которая, попросту говоря, не пользовалась особой популярностью в коллективе: люди вроде Лягушонка.

– Я переставлял книги на новый стеллаж, – продолжал Земцов, – и наткнулся на очень любопытный учебник экономики.

– С каких это пор экономика для тебя представляет интерес? – рассмеялся Игорь.

– Сама экономика, конечно, никакой ценности не представляет, а вот владелец книги... – Вадим достал из своего портфеля старенький учебничек, откинул обложку и указал пальцем на выведенную в левом верхнем углу мелким каллиграфичным почерком фамилию с инициалами: «Легостаев А. А.» – А вот что я нашел внутри, послушай, – с этими словами Лягушонек извлек потрепанный тетрадный лист, вставленный между страниц, испещренный точно таким же почерком:

«Привет, брат. Я не выискиваю способ восстановить с тобой дружеские отношения, так как виноватым себя по-прежнему не считаю. Однако мне срочно понадобилась твоя помощь. Чтобы ты не отказал мне, не дочитав до конца, сразу скажу – твоя помощь одинаково выгодна как мне, так и тебе. Вчера я выиграл гонку, что принесло мне немалый доход, и, поверь, речь идет не о тех копейках, что скидывают в кассу гонщики. Я выиграл по праву, но забрать заработанное оказалось куда сложнее, чем я думал, уж слишком много стервятников слетелось на запах легкой наживы. Я всего лишь хочу взять свое, но в одиночку сделать этого не смогу. Поэтому обещаю, если поможешь, по-братски, коими мы, как ни крути, являемся, – разделю все с тобой. Вряд ли мы сможем снова по-родственному общаться, да и не нужно этого нам, и все же такая вещь, как деньги, может объединить и врагов, ведь не бывает лишнего миллиона, верно? Обращаюсь к тебе так странно, в письменной форме, потому как при личной встрече и по телефону вряд ли ты станешь слушать меня. Выигрыш я спрятал в коттеджном поселке, что по дороге в Малые Кареллы. Где именно, расскажу, как только дашь свой ответ, если согласишься, разумеется... не тяни с ним, времени остается не так уж много. Буду ждать».

– Теперь понимаешь? – едва успев прочитать, налетел на Игоря Земцов. – Он пишет: «Речь не об общей кассе участников». А посему старина Легостаев каким-то образом умудрился поставить на тотализаторе Красникова на самого же себя!

– Интересно, как? – от ироничности Бутовского не осталось и следа.

– Ну, тут история умалчивает, да и не это важно! У него там в тайнике, где-то в коттеджном поселке, целый «лямм» мается!

– А то, что записка адресована его брату, тебя не смущает? Теоретически, после смерти Легостаева в автокатастрофе, его брат, Легостаев-старший, уж точно имеет больше прав на обладание этим миллионом, чем кто бы то ни было. Что если он как-то узнал и уже ищет или даже нашел... – Игорь стал куда сосредоточенней, всем внешним видом показывая, что в голове у себя уже прокручивает возможные варианты развития событий.

– Исключено! – мигом отозвался Земцов, – я об этом думал. Спросил даже у куратора, ну, между прочим, мол, как это у него учебник Легостаева оказался? Ответ был более чем банален. Причина тому рассеянность владельца. Элементарно забыл он его. И по датам, кстати, если Сальников не ошибается, как раз в день своей гибели. Он разбился по дороге из универа домой, оставив при этом книгу. Соответственно и записка тоже осталась переданной, так как повод-то более чем серьезный. Наверняка Легостаев-младший планировал подбросить ее сам, не в том он положении был, чтобы зависеть еще от кого-то. Из этого всего следует вывод: про выигрыш никто, кроме самого гонщика, не знал, в том числе и его брат, ведь письмо с просьбой о помощи так и не дошло до адресата. Сам Легостаев-младший трагически ушел из жизни, и миллион ему теперь без надобности. А если никто о деньгах не знает, а сам виновник происходящего мертв... Посему выходит – деньги теперь ничьи!

Земцов громко хлопнул учебником по столу, придавая торжественности гениальному, на его взгляд, заключению. Последовала томительная пауза. Бутовский прекрасно понимал, что дело совсем не шуточное. Пропажу миллиона рублей не могли просто так не заметить. Его вполне, что даже вероятнее всего, должно быть, кто-нибудь ищет, тот же Красников, к примеру. С другой стороны, его местонахождение, пусть и приблизительное, известно только им. И в голове снова забегали мысли о сцене, известности, деньгах и любимой музыке. Да, в конце-то концов, такой шанс представляется единственным раз в жизни, и то не каждому! Надо в своем жалком существовании уже что-то менять, наконец! Однако и о бдительности забывать не стоит. В первую очередь надо выяснить: может, кто еще прознал о легкой наживе, ведь Земцов наверняка был в момент, когда обнаружилась записка, не один, да и сам Лягушонок человек ненадежный, мог и взболтнуть кому по своей наивности чего лишнего.

– Кому-нибудь еще говорил? – нарушил повисшую в воздухе тишину Игорь, обращаясь к Земцову.

– Нет, конечно! Я еще не совсем дурак! – с жаром ответил тот.

– А как ты доставал записку из книги кто-нибудь видел?

– Вообще видели два этих ботаника: Лунев и Писарев, – с готовностью затараторил Земцов. – Они долго ржали над этим, по их мнению, полным идиотизмом. Я, конечно, поддержал их насмешливое настроение, так что они ничего не заподозрили, более того, уверен, даже не поняли. Нет, они восприняли послание Легостаева своему брату легкомысленно, поэтому нам не соперники.

Бутовский чуть не прыснул от того, как развязно Лягушонок рассказывал о людях, по сути, себе подобных. Видимо, ему ужасно льстило, что он находится в таких значительных среди сверстников кругах, как Игорь со своими друзьями, и считал себя с ними полностью равным. А в конкретном случае еще и является родоначальником такой блестящей идеи, которую вроде одобрили! Он был буквально на седьмом небе от счастья. Хотя в действительности его терпели только потому, что родители Вадима были очень дружны с родителями девочки из группы Игоря – Жени. Она же, уж так еще с детства повелось, может, из жалости к нему, может, из уважения к его родителям иногда брала парня с собой и решительно не позволяла его унижать, по крайней мере, в ее присутствии. Однако даже это не всегда спасало парня от насмешек в его адрес. Впрочем, сейчас, за неплохую идею, вселяющую надежду, Лягушонок заслужил хоть какое-то поощрение, и Игорь счел разумным обойтись без сарказма. Он вообще

заметил за собой, что слушает приятеля с каким-то легким почтением, даже уважением. Это надо же было в кратчайшие сроки сообразить, какой шанс представился, во всем разобраться и даже придумать, куда применить такой подарок судьбы. На мгновение Бутовского посетила идея: «Надо бы посерьезней к нему относиться, что ли». Но, вспомнив его растерянную глуповатую физиономию, когда Лягушонок увидел выходящую из квартиры блондинку полчасом ранее на лестничной клетке, он тут же, подавив смешок, прогнал от себя эту мысль:

– Вот что, – абсолютно серьезно заговорил он, – никому больше не рассказывай о нашем разговоре, иди домой и жди. От тебя пока больше ничего не требуется, с остальными я поговорю сам. С тобой свяжусь, когда все будет готово.

Бутовский подошел к окну и, неподвижно замерев и полностью погрузившись в свои мысли, почти шепотом, произнес:

– Что ж, Земцов, если все, что ты сейчас мне поведал – правда, и ты нигде не ошибся, будь уверен, я отыщу клад старины «Легостаича» и подброшу над нашими головами. Будь уверен, я отыщу...

3

*Что полжешь,
то и поживешь.*
(Посл.)

– Вскрываемся!? Что притихли!? Страшно!? – крик доносился от нетрезвого молодого человека в плацкартном вагоне поезда «Москва – Архангельск». Его звали Борис Писарев, он возвращался из Брянска проездом через Москву, куда на неделю уезжал к какому-то своему родственнику на свадьбу, отпросившись на неделю с учебы. Боря был худощав, среднего роста, с вечно не расчесанными лохматыми волосами. Хоть возраст его и перевалил за двадцать, выглядел он куда младше своих лет. Щеки, подбородок и шея парня ни разу не чувствовали на себе бритвенного станка, попросту потому как волосяного покрова на лице никогда еще не было и только из-под носа торчал юношеский пушок, подобие усов. Писарев питал огромную слабость к азартным играм, потому и сел играть с двумя соседями по плацкарту в покер. Обычно фортуна отворачивалась от неудачного игрока, целиком погруженного в свое увлечение, но сегодня парню на удивление везло.

– Ну, так как? Смотрим? – Писарев был в прекраснейшем расположении духа.

– Да неужели ты в себе уверен так? – резко осек его один из попутчиков с явно выраженным кавказским акцентом.

– Думаешь, блефую? Так вскрывайся! А боишься – пасуй!

– Ладно, ладно! – заговорил второй карточный соперник Писарева. По чертам лица и диалекту ясно было, что и он тоже выходец с Кавказа. – Раз смелый такой – повышай ставку.

– На слабо меня взять вздумал!? Не получится ни черта! – засмеялся Писарев. – Ставку повысится – да легко! Еще десятка сверху!

– Ах, как вы, славяне, все-таки мелочны, – в полном недоумении всплеснул руками первый игрок. – Смотри – я ставлю свою машину! Почти новая «Приора», стоит на парковке возле вокзала. Если выиграешь, сможешь уехать по прибытии прямо на ней! – с этими словами кавказец достал ключи и ПТС на машину. Это ввело Писарева в замешательство:

– Но у меня, даже с учетом выигранного, нет таких денег...

– Ну, боишься, так пасуй! – моментально передразнил его один из попутчиков.

– Нет! В случае неудачи отдам позже, играем! – у Писарева было каре из королей, что вселяло в него уверенность. Он всецело верил в свою победу. Азарт полностью овладел парнем, глаза налились бешеным сумасшествием, одна нога дергалась от нетерпения, лоб покрылся холодным потом. Куда там было заметить условный знак между двумя аферистами и подмену одной карты, из-за которой на руках у одного из попутчиков простая тройка невероятным образом перевоплотилась в каре из тузов.

Борис опомнился и стал возвращаться к реальности, только сойдя с поезда и очутившись на автобусной остановке, не имея денег даже на проезд, не говоря уже о такси, и с полумиллионным долгом двум его новым знакомым из поезда. Время до этого словно окуталось туманной пеленой, парень почти ничего не помнил. Только в голове снова и снова гремела последняя фраза одного из его недавних оппонентов по карточной игре: «Не повезло, брат, с кем не бывает. Ну не расстраивайся, мы тоже люди и даем тебе срок собрать деньги – месяц. Но если надумаешь кинуть, мы тебя найдем и в счет долга уже душу твою заберем. Деньги принесешь в ресторан „Вишневый сад“, что на Обводном». Писарев чувствовал полное опустошение и безнадежность. Три дня Борис ходил на учебу в университет, где учился на факультете «Реклама и связи с общественностью», в подавленном и угнетенном состоянии. Он почти ни с кем не разговаривал, что, впрочем, в коллективе, в целом, осталось незамеченным, так как Писарев был

далеко не самым популярным человеком в группе. Какие только идеи не ползли ему в голову. Сначала Боря решил скрыться, потом ему стало казаться, что это глупо, и вся ситуация в целом вовсе не такая уж и безвыходная, просто стоит жить дальше как ни в чем не бывало, и все скоро непременно забудется. Парень уже стал верить своему убеждению и даже воспрял духом, но все его благоприятное настроение испортило смс-сообщение, напоминающее о долге, от недавних попутчиков, каким-то чудом узнавших его номер мобильного телефона. В определенный момент от отчаяния Борис всерьез хотел отправиться в полицию, и все же парень себе доверял больше, чем правоохранительным органам. Поэтому, как только на горизонте замаячила заветная надежда на спасение, он всеми силами стал пытаться ухватиться за нее. На университетском субботнике один из одноклассников Писарева – Вадим Земцов, чем-то схожий с самим Борисом, нашел в старом учебнике занятную записку. Из нее следовало, что еще один человек, ранее также учившийся в группе вместе с Писаревым и Земцовым, выиграл на ежегодном «Drag Racing» в поселке Катунино крупную сумму денег и спрятал ее. Сам же Саша Легостаев, так звали того гонщика, вскоре внезапно погиб, а больше о миллионе (столько составлял выигранный приз) никто не знал. Благо разумно выказав свое безразличие и равнодушие перед Земцовым и Луневым – еще одним свидетелем неожиданной новости, Писарев твердо решил завладеть деньгами Легостаева.

В этот вечер по пути домой Борю одолевали наползающие один на другой вопросы: как найти выигранные деньги в одиночку? С чего начать? Какими методами действовать? Нет, один он точно не справится. Сейчас просто необходимо найти себе сообщника, и это тоже было проблемой, ведь, перебрав своих, и так не многочисленных, знакомых, Писарев пришел к выводу, что среди них нет ни одного решительного, сообразительного человека, способного справиться с подобной задачей. И все же отказываться от такого великодушно ниспосланного на него подарка Писарев не собирался. Так в своей тяжелой задумчивости он не заметил, как оказался в родном дворе возле своего дома. Он родился, вырос и всю свою жизнь прожил в нем. С течением времени здесь совсем ничего не менялось. Все так же на лавочках возле подъездов живо обсуждали абсолютно любые темы вездесущие пенсионеры. По испещренному от старости трещинами асфальту прогуливались молодые мамочки с колясками. Возле гаражей, прямо на свежей травке расположились истинные ценители дешевого паленого алкоголя. Разве что дети теперь бегали и играли по новенькой, недавно возведенной, еще пахнущей свежей краской детской площадке, а не как раньше – на единственной, ржавой, скрипучей карусели посреди двора. Дверь одного из гаражей на самом краю кооператива была, как обычно, настежь распахнута. Там вечно крутилось множество очень часто подвыпивших парней и симпатичных девушек. Гараж принадлежал отцу соседа Писарева по двору – Михаила Порошина. С тех пор, как Миша начал увлекаться машинами и гонками на четверть мили, он фактически полностью оккупировал отцовский гараж, проводя там почти все свободное время. Там он и постоянно усовершенствовал свои часто меняющиеся автомобили и принимал гостей – как друзей, так и подруг, которые тоже охотно проводили таким образом время с молодыми людьми. Сейчас у гаражных ворот стояла ослепительно блестящая на солнце, кроваво красная Audi TT с виниловым изображением на обеих дверях в виде абстракции с применением элементов непредсказуемо переплетающейся колючей проволоки, а на зеркалах заднего вида и углах крыши находился рисунок, напоминающий что-то вроде рапицы. Оформление было скорее странным, чем восхищающим, но Порошин искренне верил, что таким образом держит свою очень резвую машину в полном подчинении. Со стороны выглядит как бред, конечно, но уверенности парню это убеждение внушало, да и результаты были действительно лучше. Из открытого багажника с установленным в нем новеньким мощным сабвуфером раздавалась громкая музыка. Борис задержал взгляд на своем соседе по двору, а в голову уже закралась долгожданная идея спасения. Мишу Порошина Писарев знал с самого детства, и отношения у них были не совсем дружеские, а точнее, совсем не дружеские. Порошин, сколько помнил

себя, никогда не принимал Писарева за равного себе. В детстве он часто отбирал у парня карманные деньги, весьма жестоко разыгрывал Писарева, порой даже бил, а уж насмешки, унижения и оскорбления отпускались в адрес Бори регулярно, так что поводов ненавидеть Порошина у него было предостаточно. И все-таки где-то в глубине души Писарев восхищался своим, куда более успешным, соседом по двору: его машинами и увлечением гонками, его популярностью среди девушек, его способностью легко находить общий язык с людьми и чувством юмора и, конечно, уважением, которым он пользовался среди других парней того же возраста. Писарев завидовал Порошину. Часто представлял себя в его роли и положении. Он не понимал, почему одним достается все, а другим не достается даже малой доли от этого. И вот сейчас, стоя возле открытого гаража своего соседа, он размышлял: «А что если обратиться за помощью к Мише? Да, человек малопрятный, более того – заслуживающий достойной мести за все его злодеяния, но сейчас не тот случай, чтобы привередничать. Ведь кто, как не он, посилен на реализацию подобной авантюры? У него достаточно смелости, силы и ума. Хоть я не слишком-то пользуюсь уважением в глазах Порошина, перед деньгами никто не устоит, и он не исключение. Привлечь его внимание можно, пообещав часть суммы, вот только как это сделать, вокруг него столько народу. Можно дожидаться, пока он останется один, только этого почти никогда не случается в этом гараже и, чтобы дожидаться такого момента, можно смело разбивать палаточный лагерь. Нет, действовать необходимо немедленно».

Через некоторое время Писарев все же собрался духом и решился зайти к Порошину в гараж. Внутри стояла еще одна машина – Chevrolet Cruze. В скорости с машиной Порошина не сравнится, но, добавляя впечатления дополнительным тюнингом к своему агрессивному виду, машина смотрелась вполне даже симпатично. Миша что-то делал, перевесившись под открытый капот так, что виднелись только ноги.

– Привет, Михаил, давно не виделись, вот зашел узнать – как дела? Не нужна ли помощь в ремонте автомобилей или еще в чем-то? – решил взять с места в карьер Писарев. Он почему-то подумал, что встреча двух старых добрых знакомых, каким он хотел показаться перед остальными, выглядит именно так.

Порошин ненадолго отвлекся, бросив мимолетный взгляд на Писарева, и, ни секунды не мешкая, произнес:

– Да, если тебе не трудно, привет, помощь твоя пригодится. Умеешь масло менять? В такой машине это невероятно трудно, боюсь, один я не справлюсь...

– Да, конечно... – на автомате вырвалось у ошарашенного таким теплым ответом Бориса.

– Хорошо. Вот, возьми, – Порошин протянул Боре какую-то небольшую, но очень тяжелую коробку. – Держи ее над двигателем на вытянутых руках.

– Разберусь... – отвечал Писарев как можно непринужденнее.

Боря не имел никакого представления, что он держит и зачем, но принял это как испытание для себя. Если он поможет Порошину, то и он, возможно, согласится на ответный шаг, тем более Миша так приветливо встретил его, хотя раньше они даже не здоровались. Нет, нужно было перетерпеть, во что бы то ни стало. Минут двадцать – двадцать пять держал Писарев этот странный предмет. Ему же казалось – целую вечность. Весь в поту на дрожащих руках продолжал он вытягивать проклятую коробку перед собой. Парень уже и сам был не рад. К тому же Порошин, к слову сказать, еще ни разу этим тяжеленным предметом и не воспользовался. Миша то прыгал под машину, то снова нырял под капот, постоянно что-то раскручивая, закручивая или просто рассматривая. Из этого Писарев сделал вывод, что Порошин даже не приступал еще к этой самой злополучной смене масла, и стоять с тяжестью предстояло еще прилично. Руки уже отнимались, но попросить о передышке парень боялся, ведь все присутствующие с его появлением как-то странно замолчали и с огромным интересом и глупыми выражениями лица вытаращились на него. Внезапно Порошин вальяжно выбрался из-под капота и, вытирая промасленные руки куском ветоши, произнес:

– Ну, вот и все.

– Как все? А это? – произнес ничего не понимающий Писарев, показывая взглядом на ненавистную и непонятную коробку.

– А это, Писарев, аккумулятор, и даже любая из присутствующих здесь девушек скажет, что это, где применяется и к маслу никакого отношения не имеет. А поменять расходный материал – дело пятнадцати минут для одного человека. Это я специально ради тебя процесс затягивал, может ума прибавится.

По сводам гаража разнесся оглушительный смех. Оказалось, странное молчание, царившее на протяжении прошедшего получаса, было не проявлением интереса к Боре, а отчаянные попытки задавить смешки над безжалостным и отвратительным розыгрышем, где он играл главную роль. Тем временем довольный собой Порошин продолжал:

– Шел бы ты отсюда, нечего тебе здесь делать.

От стыда Писареву хотелось провалиться сквозь землю. Он развернулся и быстро направился в сторону выхода под все еще несмолкаемый смех. Уже на улице на него налетела явно чем-то недовольная девушка. Она с раздраженным выражением лица быстро влетела в гараж. Это была высокого роста и поистине модельной внешности девушка Порошина. Ее звали Виктория Немухомедова. Все в ней было прекрасно: стройные длинные ноги, идеальная фигура, аккуратные черты лица. Девушка походила на этакую куклу Барби, с которой, кстати, ее нередко сравнивали.

– Ну и где ты бродишь? Ты же обещал купить мне сегодня собаку! – с ходу накинулась прекрасная нимфа на своего избранника.

– Ох, прости, совершенно зашился сегодня, давай завтра, любимая, хорошо? – запричитал растерявшийся Порошин.

– Что значит завтра? У меня же встреча уже назначена на сегодня была! Ты все мои планы сорвал! – не на шутку разошлась в гнев Вика.

– Ну, упущенного времени не вернуть, так что теперь уже, хочешь ты или нет, придется ждать до завтра, родная.

– Ты эгоист одиночный! Думаешь только о себе! Тебе нет дела ни до кого из окружающих, а на меня плевать всех больше! – Вика даже пустила скупую слезу для убедительности.

– Прости, милая, я, правда, не нарочно и не хочу видеть твои слезы...

– Ах, не хочешь?! Ну, твое счастье, что я не намерена мириться с человеческой бесцерковностью и готова дать тебе шанс исправиться. Я привезла продавца с собакой прямо сюда, тебе лишь осталось расплатиться за нее, – словно скороговоркой затрещала моментально сменившая гнев на милость Немухомедова.

– Вот, значит, что ты задумала, – с улыбкой облегченно вздохнул Миша. – Ну, веди этого своего лабрадора сюда.

В гараж из-за спин людей зашел шуплого телосложения, немного напуганный парень с маленьким милым щенком на руках. Порошин внимательно осмотрел крохотный клубок шерсти со всех сторон и недоверчиво спросил:

– Это и есть лабрадор-ретривер? И за что здесь сорок кусков отдавать?

– Ты ничего не понимаешь! Это лучшая в мире собака! – вспыхнула Вика.

– Ладно, успокойся! У пса чистая родословная? – обратился начинающий терять терпение Порошин к продавцу собаки.

– Да, я уже передал девушке все подтверждающие это документы. Пес чистых кровей, – заикаясь, произнес шуплый парень.

– Вот они! – с готовностью протянула папку с бумагами своему парню Немухомедова.

Порошин бегло пролистал их и потянулся за своим бумажником:

– Торг уместен, уж очень дорогое удовольствие эти ваши чистокровные ретриверы. Сколько готовы скинуть? С собой у меня таких денег нет, придется тебе сгонять до банкомата и снять недостающую сумму... – обратился он уже к своей девушке.

– Увы, мы реализуем животных, разводимых на специально созданной для этих целей ферме, так что цена фиксированная, – завидев в руках клиентов бумажник, заговорил сразу осмелевший юноша.

– Вообще-то это не ретривер, – подал голос ни на что не рассчитывающий Писарев, о котором все уже успели подзабыть. Он отнюдь не хотел снова сделать попытку втереться в доверие к Мише, а просто решил развеять несправедливость по отношению к такой благородной, на его взгляд, породе. Слова вырвались у него сами собой. – У лабрадора хвост шире и толще у своего основания, как у выдры, кроме того окрас должен быть либо полностью черный, либо полностью палевый или коричневый. А у этого какое-то непонятное пятно на спине просвечивает. Такое ощущение, что его покрасили... Не, из щенка максимум дворняга вырастет, в любом случае, уж точно не лабрадор.

Боря закончил свою речь и тут же пожалел об этом. Окружающие снова расценили его действия, как попытку сумничать. Со всех сторон послышались смешки и резкие высказывания. Однако Порошин мнения остальных не разделял. Он ненадолго замер с деньгами в руках, потом резким движением схватил с верстака растворитель, смочил в нем первую попавшуюся под руку тряпку и, подскочив к продавцу собаки, провел взвизгнувшему животному по спине. На тряпке осталось бесформенное пятно от краски. Далее последовала немая сцена и хаотичный обмен взглядами между Мишей, Викой и лжепродавцом. Он, собственно, и опомнился самым первым. Наконец поняв, что вся его затея потерпела полную неудачу, он так молниеносно ринулся наутек, что никто не успел даже дернуться и остановить его.

– Так что встали-то?! – раздался чей-то голос. Пара самых расторопных парней все-таки догадалась броситься вслед за аферистом. В гараже нарастал шум недовольных комментариев приходящих в себя людей. Миша же полностью отстранился от общего настроения. Он нашел в куче народу Писарева, который стоял на корточках и гладил выброшенного в спешке за ненужностью напуганного щенка, и заговорил с ним:

– Извиняться за поведение свое я не намерен, не в таких мы условиях, но и не выслушать тебя не могу. Сегодня я слишком занят, так что давай завтра в час дня в кафе «Терраса» на Урицкого. Ты же пришел сюда с какой-то просьбой, если не совсем идиот еще. Вот там и поговорим.

– Смылась пакость этакая. У страха глаза велики, так втопил, что даже пыль, по ходу, с дороги не поднял... – это констатировал неудачный результат погони сильно запыхавшийся преследователь, возвратившись обратно.

4

*Каждый сам за себя,
один бог за всех.*

(Посл.)

Все присутствующие, кроме всё еще бессознательного Писарева, с небольшой долей осторожности приблизились к центру гостиной, образовав некое подобие круга, и стали вписываться друг в друга оценивающими взглядами. Стояла полная тишина. Дело повернулось круто.

– Ну, я смотрю, представляться нам без надобности, физиономии-то все преимущественно до боли знакомые, – первым вышел из этого затянувшегося молчаливого транса Бутовский. – Ладно, Писарев, я так понимаю, с корешем своим – его понять можно, он «Легостаевскую» записку видел, но Семенова? Тебя-то каким ветром занесло? Когда успела растерять остатки гордости до столь критически низкой планки?

– Это не воровство! У денег нет владельца! – выпалила покрасневшая Катя.

– Притормози, уважаемый! – взял слово Миша. – Полегче в высказываниях, ты ведь своей гнилой речью сейчас всех в грязь втоптываешь. Сам-то здесь в поисках ночлега оказался?

– Я позволил себе высказаться в такой грубой форме как раз потому, что в моих намерениях ровно столько злого умысла, сколько и у любого из вас. Разницы между нами нет.

– Не, не, не! Ты себя вон со своим рыцарем ровняй! В одном ботаническом саду учись, насколько я знаю. Я бы ткнул в него пальцем, – Миша с чрезмерной активностью заозирался по сторонам, – да забыл, за которой девчачьей спиной он так здорово укрылся.

– Я не прятался! – обиженно вскипел Земцов. – Я не успел среагировать!

– Ну, ваш-то напарник вообще герой! – Игорь вспомнил, как видел Писарева пару раз в компании с этим человеком. – Собой девушку закрыл! Девушка уж выбралась, а он все лежит, закрывает... – показал Бутовский на неподвижное Борино тело, лежащее ровно так же, как и несколькими минутами ранее, когда Катя не без труда, упираясь ногами и руками, стащила его с себя.

Тут Миша не нашелся, что ответить, а молча подошел к Борису и дважды вполсилы пнул его по ребрам.

– Подъем! Опасность миновала... ну, то есть отошла вон в сторонку, – небрежно бросил парень, указывая на Катю, с неприязнью наблюдая, как его подельник в полном недоумении, побагровевший от стыда, рассеянно и неловко поднимается на ноги. Потом блондин подыскал удобную банку из-под краски, максимально придвинул ее к стене, сначала хотел отряхнуть ее от лишней пыли, но, взглянув на свою щедро припорошенную этой самой строительной пылью одежду, плюнул и плюхнулся на сооруженное сидение, положив крест-накрест ноги перед собой на тару поменьше.

Порошин был гордым, неуступчивым и не умеющим проигрывать экстравертом. Сейчас его переполняла злость и досада, и даже не потому, что он пребывал в таком жалком состоянии, весь в грязи, да еще и в паре с таким ничтожным и тупым напарником, как Писарев. Вовсе нет, причина его терзаний заключалась совершенно в другом. Когда неделю назад Борис рассказал ему о ничейном миллионе, это не стало для него новостью, ведь он был прямым участником тех событий. Кое о чем парень счел необходимым от Писарева умолчать, и у него были на то веские основания. Это он, Порошин, проиграл финальную гонку Легостаеву в тот злополучный вечер. Его ТТ с перекинутым движком от Porsche GT3 на четверти мили трассы уступил полкорпуса Сашиной BMW M6 2005 года, вопреки всем прогнозам. Мише прочили победу еще до начала гонок, его авто превосходило по своим характеристикам машину Лего-

стаева. Но соперник видимо как-то устранил недостаток «лошадок» под капотом. Самолюбивый Порошин всерьез намеревался доказать всем, что он лучший, и попутно заработать денег. Однако все планы рухнули. Его охватило отчаяние. Это чувство стало угасать только сейчас, почти год спустя. И вроде горечь поражения постепенно стала сходиться на нет, как вдруг один ботаник, с которым Миша жил в одном дворе и был знаком с детства, приносит такую потрясающую новость. Вот и прекрасный повод расквитаться за ту унижительную гонку со своим, пусть даже уже умершим, визави. Здесь и месть, и удовлетворение, и, пожалуй, самое главное, деньги. Порошин твердо решил завладеть утерянным миллионом, хоть даже и в не самой приятной компании Писарева. Вот только пока все шло совсем не по плану. Пристально рассматривая всех присутствующих в гостиной, Миша понимал, что у него перед Бутовским, которого считал в сложившейся ситуации единственным достойным противником так же безоговорочно, как, к примеру, не воспринимал в качестве конкурента Катю, было весомое преимущество, и сейчас оно рассыпалось в прах. Порошин хотел отыскать тайник самостоятельно и через Писарева следить за действиями Бутовского. Так бы дело пошло в два раза быстрее. То, что Игорь с друзьями разыщут деньги раньше, его ничуть не пугало, ведь миллион-то ничейный – можно и перекрасть. А вот то, что Бутовский в первую же ночь решит посетить тот же дом, что и он сам, парень как-то совсем не предусмотрел. Что ж, в любом случае сейчас уже ничего не исправишь, а вот извлечь урок и в дальнейшем не наступать на те же грабли, было вполне по силам. Поэтому Миша устроился поудобнее на своем импровизированном стуле, прикрыл глаза и стал слушать...

– Послушайте! Все мы не без греха и, уверен, оказались здесь в силу пусть и разных, но, тем не менее, корыстных целей, – заговорил Игорь. – Да, симпатий друг к другу никто не питает, но сложилось все же так, а не иначе. В связи с этим предлагаю выход! Найдем компромисс? Поиски продолжим сообща и деньги разделим на всех.

– Исключено! – завопил Писарев не своим голосом. Он-то прекрасно понимал, что миллиона ему едва ли хватит, чтобы расплатиться по долгам. – Кто успел, тот и съел! Мы не намерены ни с кем делиться!

У Кати тоже ситуация была не из простых.

– Я готова уступить лишь половину, – тихо вымолвила она, виновато рассматривая носки своих миниатюрных кед тридцать седьмого размера.

– А не слишком звериный у вас аппетит, дорогие мои? – вспыхнул Бутовский. – Я второй раз предлагать не намерен! Как следует обдумайте, что говорить, ведь в случае неправильного ответа не достанется ничего, это я вам гарантирую!

– Нет, Игорь, как бы мне ни было противно, придется согласиться с Писаревым. Пойми, бывают такие моменты, когда нет другого выхода, и сейчас как раз такой! – Семенова умоляюще смотрела на Бутовского в надежде, что тот поймет ее состояние, что увидит, как она нуждается в этих деньгах, но парень ничего не разглядел.

– Кстати, Семенова, ведь ты нам так и не ответила, как узнала о «сокровищах капитана Легостаева», – Игорь зашел девушке за спину и, положив руку ей на плечо, приблизился губами к самому уху. – И в нашем кружке воров-неудачников все просто жаждут узнать, как же это случилось?

За последние полчаса вот уже второй повод заставил Катю претерпевать жуткое смущение. Да и нависший в неприличной близости Бутовский, еще больше усугубляя ее положение, совсем заставил девушку растеряться.

– Я подслушала разговор в кафе... – заикаясь, пролепетала Семенова, кивая в сторону Бориса, и отпрянула от злорадствующего парня.

– Вот! – снова завизжал Писарев. – Она еще и подслушивала нас! Да она не имеет права даже находиться здесь, жалкая шпионка!

Бутовский театрально описал руками в воздухе круг, старательно изображая постижение необратимого факта, и, указав на Бориса, издевательски передразнил Семенову:

– Ведь не поспоришь! Хоть и, конечно, противно, как и тебе! Или даже больше! И что ж нам все время противно-то так? Ведь не спорим с ним даже?

– Эй! Может, хватит раз за разом окунать меня в дерьмо? Я же слышу все, – робко высказался Писарев.

– В общем, гуляйте, девушка, тебе здесь ничего не светит, – заключил Бутовский уже абсолютно серьезно.

Катя собрала всю волю в кулак и твердо настолько, насколько только была способна, ответила:

– Я никуда не уйду!

– Давайте перестанем делить шкуру неубитого медведя? – влез в разговор Земцов. – Может, лучше по существу: кто-нибудь обыскивал другие дома в поселке? Пожалуй, стоит хотя бы делиться друг с другом информацией, так всем будет легче.

Но слова Вадима были встречены дружным молчанием. Тут все были единодушны. Каждый из новоявленных соперников первым делом для обыска решил выбрать единственный нежилой коттедж в поселке, а уж потом думать, как проверить обитаемые здания. Это и логично, куда второпях можно спрятать большую сумму денег? Первое, что приходит на ум, – заброшенное здание. И, как назло, по нелепейшему стечению обстоятельств все выбрали одно и то же время одного и того же дня.

– Что ж, пожалуй, договориться все-таки не получится, – разбавил паузу Бутовский. – С какой стороны ни посмотри, все равно каждый сам за себя... – Игорь чувствовал себя уязвленным и обманутым. Мало того, что дипломатическая миссия завершилась полным провалом, так еще и сам факт присутствия такого большого количества народу выводил из себя. По поведению Семеновой он понял, что девушка была прекрасно осведомлена, с кем в недалеком будущем предстоит соперничать. Что касается Писарева с Порошиным, то эта парочка, может, и проворонила Катю в кафе, но о его намерениях точно знали. Хоть сложившееся чудодейственное совпадение с выбором дома и времени вновь примерно уравнило шансы присутствующих, все же пока в дураках оставался только он – Бутовский. Следовательно, в дальнейшем действовать необходимо осторожно и ошибок больше не допускать.

– В общем, так, раз прийти к консенсусу мы не в состоянии, смысла в продолжении нашей неожиданной встречи не вижу, а посему позвольте мне и моим друзьям откланяться...

Бутовский хотел сказать еще что-то, но не успел. Его в довольно грубой и раздраженной интонации перебил резко вскочивший на ноги Порошин:

– Может, хватит принимать нас за полных дебилов! Я достаточно молчал, ожидая, что в твои планы входит просветить нас. Однако ты, как выяснилось, другого мнения. Поэтому говорю прямо – снизойди объясниться, что за игру ты тут затеял?

Лицо Игоря вытянулось в неподдельном удивлении:

– Я тебя не понимаю...

– О, да ладно? Не строй из себя наивную недотрогу! Ты явно что-то замыслил, – Миша был вне себя от ярости. Он вплотную приблизился к Игорю и безотрывно впился своим взглядом в его глаза, – иначе с какой целью прячешь на чердаке еще одного, а может и нескольких людей?

– Ну, хватит, мальчишки! Остыньте! – протиснулась между ними до сих пор не проронившая ни слова Вельветова.

– Каких людей, что за бред... – настаивал на своем ни на шаг не отступивший Игорь.

– Хватит вешать мне лапшу на уши! Думаешь, я сверху грохнулся из-за нехватки адреналина в крови? Врасплох меня застал звук проломившейся ступеньки где-то в районе чердачной лестницы, из-за него я равновесие потерял.

– Может, ты мышку пробегавшую испугался? – попытался подшутить Бутовский, но, увидев передергивающееся от гнева лицо Порошина, тут же добавил: – Я могу ответить на любое из самых унижительнейших оскорблений в свой адрес, но сюда нас пришло трое, и все в этой комнате. Может, стоит переадресовать этот вопрос нашему гению шпионажа? – махнул он рукой в сторону Семеновой.

– Клянусь самым дорогим, что у меня есть – своей младшей сестрой! Я проникла сюда в одиночку! – прокричала девушка, ловя на себе пепелящие взгляды двух парней.

– Если шумел не ваш, не ее и не наш человек, то кто же там тогда? – рассудительно произнесла Оля.

– Может, показалось? – неуверенно высказал теплящуюся надежду Земцов.

– Ну да... всем, – отозвался Игорь.

Повисла угнетающая томительная пауза. Всё хотелось списать на чрезмерную впечатлительность и на почве этого бурно разыгравшуюся фантазию, но здравый смысл подсказывал, что отчетливо прозвучавший треск дерева не плод воображения, его слышали все. И так как спуск со второго этажа на первый был цел и невредим, получалось, что шум доносился с чердачной лестницы. Всей присутствующей компании стало не по себе. Полное молчание и полумрак в помещении только добавлял дискомфорта. В следующую минуту разрезавший тишину топот пробегающих ног на чердаке снял все вопросы. Там явно кто-то был. Катя почувствовала дрожь по всему телу, у Оли даже вырвался слабый крик. Остальные, как замороженные, взглядом проводили перемещающийся звук по потолку так, как он слышался: по диагонали, из одного угла в другой. Первым пришел в себя Бутовский:

– Уйдет! – с этими словами он огромными шагами ринулся наверх. За ним, еле поспевая, бросились перепуганные девушки. Земцов с Писаревым, испугавшись, что останутся одни, тоже побежали следом.

Порошин, оставшись наедине с самим собой, достал из джинсов пачку «Винстона» и закурил. После этого, выскользнув за дверь и быстрым шагом миновав прихожую, он оказался на улице. Миша рассудительно счел, что бежать с чердака возможно только через окно, выходящее на эту сторону дома. Но в поселке сейчас укрыться сложно, почти в каждом доме и сторожевые псы, и видеонаблюдение. Запрыгнуть к кому-нибудь во двор проблематично, если, конечно, это диверсант не местный, что маловероятно, почти все дома здесь элитного класса, и вряд ли какой-нибудь бизнесмен ночью из праздного любопытства полезет на чердак брошенного дома. Кроме того, пешком в такую даль могла притащиться, ну разве что эта глупая простодушная девчонка, которая подслушала их с Писаревым разговор в кафе. Незнакомец же, скорее всего, как и сам Порошин, как и, наверняка, Бутовский, добрался сюда на авто, а значит, по крыше переберется на другую сторону коттеджа и побежит через ивняк к дороге. Поэтому Миша, глубоко затягиваясь табачным дымом, завернул за угол, бросил и затоптал сигарету, чтобы не обнаружить себя и, аккуратно выглянув из-за дома, уставился в окутанные ночным сумраком заросли. Таинственный незнакомец не заставил себя долго ждать. Его силуэт быстро и уверенно соскочил в сырую от росы траву и устремился в сторону дороги. Злоумышленник был во всем черном: черные кроссовки, черные штаны с множеством карманов, черная куртка и черные гловелетты на руках. Лицо закрывала черная маска из шапки с прорезями для глаз. Миша выругался про себя. В лицо его было не опознать. Ладно, не страшно, стояло хотя бы взглянуть на его машину. И Порошин, как тень, бесшумно заскользил за знакомцем, стараясь не задевать ни одного куста. Выбравшись на дорогу, беглец прыгнул в черную, тонированную Camry 3,5 AT без номеров и моментально скрылся. Что ж, уже что-то. Авто показалось Порошину знакомым. Он вернулся к дому. У входа уже толпились Бутовский со всеми остальными.

– Ну что? Кто он? Ты догнал его? – обрушился Игорь с волной вопросов на Порошина.

– Испарился бесследно, как сквозь землю провалился. Ловкий же хмырь попался... – невозмутимо отозвался тот.

5

*Не только свету, что в окне.
На улицу выйдешь – больше увидишь.*
(Посл.)

Совсем юная девушка очень обаятельной внешности с длинными русыми волосами, аккуратно расчесанными и стелющимися по расправленным в совершенно правильной осанке плечам, скромно переминалась с ноги на ногу, явно кого-то ожидая. Девушка забавно щурилась на солнце свои, хоть и серые, но все же очень выразительные, глазки и морщила чуть задранный вверх маленький носик. На загоревшем лице с идеально чистой кожей почти не было косметики, и эта естественность только еще больше подчеркивала ее природную красоту. Девчонка была в отличном настроении. Подтверждением тому была непроизвольно расплывающаяся ослепительная улыбка. Девушку звали Карина Неманова, она ждала своего молодого человека на живописной аллее в Петровском парке, что находится у драматического театра имени Ломоносова, перед самым высоким зданием в городе. Егор Спиридонов – так звали ее молодого человека, как обычно, задерживался, но Карина настолько привыкла к его опозданиям, что полностью с этим смирилась и совсем перестала обижаться на свою вторую половинку. Еще в недавнем прошлом Неманова жила со своим престарелым дедом, страдающем астмой. Нет, были у девочки и родители, но они находились в разводе, который дался им очень болезненно. В самом конце их совместной жизни у них совершенно перестало получаться терпеть друг друга. Карина долгое время являлась главной причиной отсрочки развода, что еще больше накаляло обстановку, и все же расставания было не избежать. Это в конечном итоге и произошло. Отец Немановой работал нефтяником вахтами и навещал дочку раз в две недели, а то и месяц. Мать же нашла другую семью и посвящала почти все свое время новым еще маленьким детям, разумно рассуждая, что они гораздо больше нуждаются во внимании, чем взрослая Карина. Родители постоянно помогали своей дочери и ее деду деньгами, но только и всего. И вот искренне любимый дедушка все-таки скончался и в завещании своем отписал квартиру внучке. Так Карина по факту осталась совсем без родственников. Единственным близким и родным человеком для нее был Спиридонов, с которым они и познакомились-то недавно, но невероятно сблизились в большинстве своем благодаря усилиям Егора. Он покорила Неманову своей заботой, нежностью и вниманием. Молодой человек был для нее всем: и советчиком, и опорой, и защитником, и самым интересным собеседником. Спиридонов же жил в полноценной семье, более того, являлся единственным ребенком, что в изрядной мере разбаловало его и, конечно, сказалось на характере. Однако Егор своими поступками и поведением души не чаял в Карине. Он активно проявлял встречную симпатию. Многие считали этих двоих чудесной, созданной друг для друга парой. У Карины с Егором были огромные планы, как в создании карьеры, так и личной жизни. Они видели себя успешными маркетологами. Жить собирались в оставленной дедом своей внучке квартире. Спиридонов и Неманова учились в одном университете, только на разных факультетах. В это свежее солнечное утро влюбленная пара, как и всегда, условилась встретиться пораньше, чтобы не спеша прогуляться пешком до университета и сполна насладиться присутствием друг друга наедине. По обыкновению почти каждое утро они гуляли так исключительно вдвоем. Но на этот раз Карина взяла с собой лучшую подругу – Катю Семенову, свою одногруппницу, которая днем ранее очень просила встречи, мотивируя это своим крайне удручающим положением. Голос ее в момент разговора показался очень встревоженным, а спокойную, как удав, Катю обычно сложно было чем-либо напугать, поэтому Неманова не стала откладывать встречу в долгий ящик и позвала Катю на прогулку до их учебного заведения уже с самого утра. Однако и подругу, и своего

молодого человека Неманова не предупредила о том, что их будет трое. Еще бы, ведь Семенова и Спиридонов терпеть друг друга не могли. Вроде и причин видимых на то не было, но где-то на подсознательном уровне между ними устоялась четкая неприязнь. Что-то их друг в друге не устраивало и даже раздражало, и они всячески старались избегать очных встреч. Теперь парня, который, наконец, подошел, злило еще и то, что Семенова задерживалась. А когда они с Кариной все же дождались и Семенову, Спиридонов уже суетливо и дергано бегал вокруг девушек, что-то нервно бормоча в их адрес:

– Мало того, что мне ничего неизвестно, так еще и опаздываем! Придется чуть ли не бегом в универ нестись!

– Не переживай, зай, успеем, – ты ведь и сам не особо вовремя, – как можно мягче вторила Карина своему бойфренду.

– Я знаю меру! Да, задерживаюсь, но в разумных пределах, не влияющих на обстоятельства!

– Я же говорила – нужно нам вдвоем было встретиться, так только помешаю, – встряла в разговор двух споривших влюбленных Катя.

– Нет, Кать, от Егора у меня секретов нет, можешь говорить смело, что у тебя стряслось?

– Я в очень плачевной ситуации, Карин, – заговорила Семенова, с настороженностью косясь на Спиридонова, который, впрочем, поутих, видимо движимый любопытством к тому, что же все-таки такого важного хотела поведать подруге Катя. – Я вроде за одну ночь нажила себе врагов больше, чем за всю остальную жизнь.

И Катя кратко рассказала подруге о событиях минувшей ночи, не забыв упомянуть случайную встречу всех соперников в одном и том же коттедже и о таинственном незнакомце на чердаке.

– М-да, мать... в какой лихой и темный сюжетец тебя понесло... – задумчиво протянула Карина, выслушав Семенову до конца. – И как, не страшно тебе? Я, наверное, умерла бы уже давно.

– Страшно! Но когда дело касается моей сестры, я готова на что угодно! Да и дело даже не в этом! – почти срываясь, тут же молвила Катя. – Дело в том, что Бутовский с тем, вторым, – они сильны и умны! Они ничего не боятся! Уверена, эти двое уже знают, как поступить в дальнейшем. У них наверняка уже готова какая-нибудь стратегия или план. И уж точно эти люди преисполнены решимости! А я не способна конкурировать с ними. Я одна, мне даже посоветоваться не с кем, кроме тебя. Я не знаю, что делать... – по щеке девушки потекла слеза, которую, впрочем, она тут же подобрала, из всех сил подавляя подступивший к самому горлу приступ плача.

Спиридонов с натянутой ухмылкой хотел было отпустить по этому поводу какую-то язвительную насмешку в адрес Кати, скорее, пожалуй, больше для проформы, но Карина резким жестом осекла его.

– Да брось, родная! – обратилась она уже к подруге. – Ну-ка, не кисни! Вот смотри: твои, как ты говоришь, смелые и сильные, окружили себя свитой, думаешь, для чего? Да потому, что тоже боятся! Они боятся за свою задницу, и в экстренном случае, чтобы было кем прикрыться, держат такое количество народу вокруг себя. Видишь? Даже такие смелые и сильные в одиночку на медведя не ходят. Какой отсюда вывод? Тебе тоже нужен единомышленник, на которого можно положиться!

– Ну! Конечно! Знаешь, сколько раз я об этом думала? Сколько вариантов перебрала? Да только где такого взять-то?

– Вот поэтому ты до сих пор никого и не нашла! Такое ощущение, что жениха ищешь. Все же гораздо проще! Ты смотри на проблему с другой стороны. Вопрос ведь не в том, где найти подходящего человека, вопрос в том – сколько ты ему за помощь заплатишь. Понимаешь? Ты не искать должна, а выбирать!

– Не могу понять, на кого ты намекаешь? – Катин голос зазвучал куда более оживленное. Девушка заметно воспрянула духом.

– Знаю одного, – продолжала Неманова. – Ну, точнее не знаю, но мы можем попробовать с ним поговорить. Этот человек не любит людей, но деньги просто обожает. Думаю, страсть к ним пересилит ненависть к людям.

– Кто, Кариночка, говори?! – от нетерпения Семенова даже подпрыгнула на месте.

– Эмм... тут все сложнее. Видишь ли, этого я и сама не знаю.

– Это как? – совсем запуталась Катя.

– Ну да, его видела всего несколько раз на острове Краснофлотском. Там летом проходят гонки на песчаных пляжах, и он регулярно в них участвует. Сейчас, конечно, не сезон, но я слышала, что многие из уличных гонщиков, когда делать становится нечего из-за погоды, принимают участие в «ночном дозоре» – это такая игра, сейчас очень популярна. Там-то точно знают, где его разыскивать. Мы с Егором тоже хотим принять в ней участие через одного нашего общего знакомого, можем и тебя взять. Какие планы на субботу? – договаривала Неманова уже с каменным лицом, демонстративно игнорируя недовольно вздыхающего Спиридонова.

– Если не брать в расчет необходимость облазить весь коттеджный поселок, то, в принципе, свободна, – с грустью отшутилась Семенова.

Так за разговором трое студентов совсем не заметили, как покрыли расстояние до своего университета, оказавшись на его крыльце.

– Значит, договорились! В девять часов вечера сбор...

– Карин, – резко изменившаяся в лице Катя не дала подруге договорить. – За твоей спиной один из тех, о ком я тебе рассказывала. Мне неприятно говорить, да даже находиться в его присутствии, пойдем скорее внутрь.

– Давно пора! Уже двадцать минут пары прошло! – тут же оживился Спиридонов.

– Хорошо-хорошо! И действительно, пара идет давно уже. Пойдем тогда, Катюш, у нас социология сейчас, – тем временем успокаивала встревоженную подругу Карина. – У тебя сейчас что? – обратилась она уже к Егору.

– У меня собственно нет первой пары, я же тебя провожал, пойду по магазинам прошвырнусь, пока время есть, кое-какие вещи для себя присмотрю, – отозвался парень.

– Ок! Тогда до вечера, – бросила длинноволосая русая девушка и приподнялась на носочки перед парнем в ожидании поцелуя, на что тот не замедлил ответить. После этих слов они разбежались по своим делам в разные стороны: девушки внутрь корпуса на учебу, а парень, уже приложив мобильный телефон к уху и с кем-то активно общаясь, направился в сторону Троицкого проспекта, где находилось множество различных торговых центров на любой вкус.

6

*Всякая тайна грудью крыта,
а грудь подоплекой.*

(Посл.)

Бодро шагая по сырому от недавно прошедшего дождя асфальтовому тротуару, ранним и по-весеннему свежим утром молодой человек лет 20 торопился на учебу в свой Северный арктический федеральный университет. Точнее, на учебу парню в силу его ленивого и безответственного характера было, по большому счету, наплевать. На улице, хоть и было ясно, после ночной непогоды еще сохранялась изрядная прохлада. Солнце уже вовсю светило, но еще не грело, день только начинался. По этой причине, к тому же еще мучавшийся тяжелым похмельем от вчерашней гулянки в клубе «J» молодой человек как можно быстрее хотел оказаться в теплом корпусе учебного заведения, оттого и торопился так. Было у парня и имя, но совершенно никто в этом городе, уж так сложилось, его по имени не называл. Для каждого круга общения у него было свое прозвище, а в университете его звали исключительно по фамилии – Совицкий, даже преподаватели, наверное, за его далеко не ангельский нрав. Парень жил в шестом микрорайоне, это спальный район города, в съемной комнате. Проснувшись с утра, он не смог нагрести мелочи на проезд, поэтому не поехал на автобусе, а пошел пешком, хотя до места учебы было довольно приличное расстояние. Кроме того, невзирая на холодную погоду, Совицкий был одет по-летнему легко. Спортивная ветровка, а под ней футболка. На ногах, когда-то белые, а теперь с сильным пожелтевшим оттенком кроссовки и старенькие потертые джинсы. Нет, парень был не настолько рассеян, что, помимо мелочи, перед университетом не смог найти еще и свою одежду. Причиной тому было ее отсутствие. Молодой человек считал самым последним делом тратить свой, и так более чем скромный, бюджет на одежду. Однако же, к примеру, на пиво после тяжелого трудового дня деньги непременно находились. Совицкий жил один. Родственников у него в этом городе вообще не было, и родом он был из средней полосы России. В Архангельск, а точнее, в Мурманск его занесла военная служба. Оттянув «срочку» на знаменитых заполярных сопках, он хотел уехать южнее, но дальше Архангельска выбраться пока не получилось. Амбиций было множество, а вот с возможностями пока не клеилось. Да еще волшебница судьба подкинула неожиданный поворот в жизни парня, позволив по благу – за одну услугу, без вступительных экзаменов попасть в неплохое учебное заведение на сносную специальность.

У самого крыльца университета Совицкий оказался уже с пятиминутным опозданием. Там никого не было, кроме одного человека, которого парень хорошо знал. Это был Михаил Порошин. Этому человеку Совицкий часто продавал запчасти в магазине на авторынке, где работал на одного неместного частного предпринимателя. Совицкий делал Порошину неплохие скидки, как постоянному клиенту, помогал в сложных ситуациях по ремонту автомобилей, с которыми часто сталкивался как тот, так и другой. Совицкий являлся неплохим механиком и разбирался почти во всех областях: и в электрике, и кузовном ремонте, и при неисправности двигателя, и при тюнинге авто. В ответ Миша время от времени приглашал талантливого ремонтника к себе на частые вечеринки домой или, по обыкновению, у любимого гаража. А еще на заезды уличных гонок, в которых Порошин, не так часто, в силу небольшой их распространенности и популярности в Архангельске, да и за отсутствием погодных условий большую часть года, но все же участвовал. Совицкий заметил Михаила еще издали. Он сразу понял, что Порошин ждет именно его, ведь тот не учился в этом университете и, скорее всего, кроме него больше у Михаила не было здесь знакомых, с которыми он настолько тесно общался, что даже

соизволил явиться к самому крыльцу университета ради встречи. Поэтому парень сразу подошел к Порошину, судя по всему, уже подуставшему ждать, приветственно протягивая руку:

– Здравствуй, не меня ждешь?

– Да уж, тебе в родословную хоть бы одного какого-нибудь дотошного немца, а то пунктуальность не твой конек, – облегченно выдохнул Миша, обрадовавшись появлению приятеля. – Да, у меня к тебе очень серьезное дело. Не сильно занят?

– Ну, я на учебу опаздываю... Так что не занят вовсе, – улыбнулся в ответ Совицкий. – Вот только зайду, гляну расписание ради интереса.

Два парня зашли внутрь учебного корпуса, без труда договорившись со знакомым охранником, и остановились возле застекленных стендов с расписанием занятий. Совицкий быстро пробежал глазами по спискам разных факультетов в поисках своего, с пару минут изучал его, потом обернулся к своему спутнику и с улыбкой произнес:

– Ничего серьезного, пошли обратно на крыльцо.

Оказавшись снова на улице, Порошин начал свой серьезный разговор:

– Послушай, Совицкий, ты же постоянно трешься среди гонщиков, они у тебя часто в лавке отовариваются. Вот я и подумал, кто как не ты знает больше всего об этих людях?

– Пока не понимаю... а ты разве из этого круга выпал? Вообще-то с большинством я через тебя знаком, – иронизируя, вставил внимательно слушающий Совицкий.

– Да не о том речь, – отмахнулся Миша. – В общем, появилась у меня крайне острая необходимость узнать, кто в нашем городе катается на тонированной «Самгу» без номеров.

– Ого! Я понял, о ком идет речь, да разве ж это возможно? Найти то, не зная что. С его скрытностью смирились даже люди посерьезнее и тебя, и, уж тем более, меня. Прости, мужик, но боюсь, тут я тебе не помощник, так как сам ничего не знаю. Чел тот мастерски гасится. Номеров на машину не вешает, нет даже малейшего представления о том, что творится за его наглухо тонированными стеклами. Как он вообще по городу передвигается? На примере его машины можно лекции проводить, как наглядное пособие злостного нарушителя. Можно найти любое. Из машины почти никогда не выходит, а если и выходит, то крайне редко, например, за выигрышем, ненадолго. Но и в эти моменты он постоянно одет во все черное. Нет ни одной открытой части тела. На голове маска из шапки, так что даже возраст его неопределенная загадка. Очень молчалив, может даже глухонемой, так как общается исключительно жестами. Одна отличительная черта все же есть, ну как отличительная, у него неестественно зеленые глаза. Просто очень, почти ядовито-зеленые, так что вполне вероятно – линзы, поэтому, сняв их, он снова останется неузнаваемым.

– М-да... ничего нового ты мне не сообщил... – задумчиво протянул Порошин.

– А зачем он тебе? От чего вдруг такой повышенный интерес к тому субъекту? Крепко дорогу перешел?

– Да не, ты не обижайся, но этот твой вопрос я оставляю без ответа. Просто о том знает и так уже слишком много народу. Боюсь, как бы секрет не стал достоянием общественности, и проявлять к нему интерес утратило бы всякий смысл.

– Понял, не мое дело, больше не лезу. Я, конечно, не в обиде, но рассказать еще что-то об этом человеке все равно не смогу, однако все же полюбопытствую в компетентных по этому поводу кругах. Как выясню хоть что-нибудь, сразу дам знать.

– Полюбопытствуй, пожалуйста, я буду тебе крайне признателен. А за мной не заржавеет, сам знаешь, – произнес Миша, благодарно похлопав приятеля по плечу.

Какое-то время ребята стояли в тишине, занятые каждый своим делом. Порошин достал из кармана пачку сигарет и закурил. Совицкий отвечал на чье-то смс, быстро стуча пальцами по сенсорному дисплею своего телефона.

– Да уж... и ведь даже начать не с чего... кого подозревать? Все-таки здорово этот тип глухонемой шифруется, – с ироничной улыбкой произнес Порошин, задумчиво затягиваясь

едким дымом. Совицкий не отвечал. Миша хотел обратиться к нему с каким-то вопросом, но тот осек его резким жестом руки. Только сейчас Порошин заметил, что Совицкий уже давно не набирает текст в телефоне и даже не смотрит на него, отрешенно устремив взгляд в сторону, он усердно к чему-то прислушивался. Миша мельком оглянулся по сторонам и обнаружил, что на крыльце университета появилось еще три человека – две девушки и парень. Одну из них – Катю Семенову Порошин сразу узнал. Двое других людей были ему незнакомы. Впрочем, завидев Мишу, Семенова заметно занервничала и сразу засобиралась на учебу, ссылаясь на и так уже приличное опоздание и подбивая поторопиться вторую девушку, по всей видимости, подругу. Так что Совицкому с Порошиным удалось стать свидетелями всего лишь очень короткого, ничем не примечательного разговора.

– Хорошо, хорошо! И действительно, пара идет давно уже. Пойдем тогда, Катюш, у нас социология сейчас, – тем временем успокаивала встревоженную подругу Карина. – У тебя сейчас что? – обратилась она уже к присутствующему молодому человеку, которого девушки в разговоре пару раз называли Егором.

– У меня, собственно, нет первой пары, я же тебя провожал, пойду по магазинам прошвырнусь, пока время есть, кое-какие вещи для себя присмотрю, – отозвался парень.

– Ок! Тогда до вечера, – бросила длинноволосая русая девушка и приподнялась на носочки перед парнем в ожидании поцелуя, на что тот не замедлил ответить. После этих слов они разбежались по своим делам в разные стороны: девушки внутрь корпуса на учебу, а парень, уже приложив мобильный телефон к уху и с кем-то активно общаясь, направился в сторону Троицкого проспекта, где находилось множество различных торговых центров на любой вкус. Совицкий с Порошиным вновь остались наедине.

– Прости, похоже, это моя вина. Я одну из них знаю, и познакомились мы при весьма сомнительных обстоятельствах, – тут же стал оправдываться перед оппонентом Михаил, еле заметно кивнув в сторону Семеновы. – Похоже, узнав меня, она так быстро на учебу засобиралась. Так что, если ты хотел их сейчас подслушать, не вышло ничего из-за меня.

– Не расстраивайся. Все, что нужно, они вполне подробно сообщили, – Совицкий двинулся с крыльца, жестом увлекая за собой и Порошина. – Ты сказал – надо с кого-то начать? Так вот и первый кандидат! Это Спиридонов Егор, он с факультета юриспруденции. Родители у него достаточно обеспеченные, сам он имеет почти полную свободу действий и доступ к отцовским деньгам и машине. С виду вроде не дурак и не лох последний. Кто знает, может у его папаши именно «Samg», а он просто периодически скручивает номера и выбирается в свет до первого случая попадания в руки органам. Или, что тоже вероятно, вообще машину ему подарили, а он использует ее столь оригинальным образом. Спиридонов, сколь нам стало понятно из увиденного, состоит в близких отношениях с Немановой – девчонкой, которую мы только что видели, вот эта длинная, русая. Теперь по существу. Для начала – какие же магазины шмоток открываются в восемь утра? Но это, понятно, косвенно и ни о чем не говорит. А вот когда сейчас мы к расписанию пар подходили, то, что первая пара у Спиридонова, не помню какая, но все-таки есть, бросилось мне в глаза. А зачем ему врать своей девушке? Наверняка есть что скрывать. Вот и надо проверить...

– Так давай прокатимся за ним, я на машине! – потянул Михаил Совицкого в другую сторону.

– Не слишком у тебя приметная машина?

– Да брось, – засмеялся Порошин. – Это уже чересчур! Мы что, тут в детективов играем? Да и ему, больше чем уверен, плевать – кто рядом с ним ездит и на каких машинах.

Через десять минут двое парней, ловя на себе восхищенные взгляды прохожих, колесили по уже совсем просохшему после ночного дождя асфальту Троицкого проспекта на до блеска отполированной и со всех сторон оттюнингованной «Audi» Порошина. Машину, как оказалось, все же взяли не зря. Спиридонова у ворот на территорию учебного заведения уже ждало

такси. Впрочем, ехал он недолго, минут от силы семь – восемь и у «Гранд-Плазы» на Троицком проспекте, большом и престижном торговом комплексе, уже выбрался из автомобиля. Видимо, парень куда-то очень торопился, потому как любой другой студент на его месте выбрал бы пешее преодоление столь незначительного расстояния, чем тратить деньги на такси. Еще через некоторое время наблюдения стало ясно, куда Спиридонов так торопился. У входа в торговый центр к нему подбежала белокурая девица с впечатляющими формами и, повиснув у парня на шее, заключила будущего юриста в сплетение своих крепких объятий. Егор же с нескрываемым удовольствием отвечал взаимностью, покрывая блондинку поцелуями. Вдоволь насладившись своим преисполненным ласки впечатлением от встречи, они, громко веселясь и живо общаясь, за ручку, скрылись за раздвижными дверями центрального входа «Гранд-Плазы».

– Вот гуляющий засранец! – вспыхнул Порошин. – А такая версия складывалась!

– Что ж, след оказался ложным, но ведь попытка – не пытка, – принялся успокаивать Михаила Совецкий. – Во всяком случае, его теперь точно можно исключить из списка подозреваемых. Будем искать дальше.

– Ок, дружище, заранее спасибо. Тебя обратно подбросить?

– Да не надо, про первую пару все равно уже стоит забыть, так что время есть, добегу. Как что-нибудь выясню, сразу дам знать, счастливо!

– Ну как знаешь, тогда давай, до связи!

Парни пожали друг другу руки, после чего Совецкий вышел из машины и быстрым шагом направился обратно, в сторону своего университета. Однако прошел недолго. В кармане зазвонил телефон. Взяв его, Совецкий остановился:

– Добрый день... ну, я на учебу опаздываю, так что не занят вовсе... да, как раз нахожусь совсем рядом... хорошо, тогда буду в течение десяти минут, – парень развернулся и направился в другую сторону.

7

*Кто умеет беситься,
тому ни с кем не ужиться.*
(Посл.)

Игорь устало приземлился на скамейку у окна в длинном коридоре своего университета в ожидании первой пары. Этой ночью он с друзьями пробрался вот уже в третий по счету коттедж. Целью злоумышленников стали дома с сигнализацией одной и той же, довольно известной, Питерской инженерной компании. Таких оказалось больше половины. Дима Бессонов, бессменный соучастник всевозможных идей Бутовского, являясь неплохим программистом, нашел лазейку в системе защиты и каким-то образом умудрился научиться ее отключать. Днем друзья по очереди, постоянно переодеваясь и меняя предлоги пребывания в поселке, наблюдали, в каких зданиях и по каким дням ночью отсутствуют хозяева. А потом так же в темное время суток проникали в пустые коттеджи в поисках тайника или какой-нибудь подсказки, которая вывела бы их на утерянный ничейный миллион. Ребята действовали максимально аккуратно, чтобы владельцы особняков ни в коем случае не заметили следов их пребывания и, тем более, не позволяли себе совершить даже самую незначительную кражу, дабы не пересечь грань уголовного преследования в случае обнаружения их присутствия. У каждого из них была своя строго отведенная роль в этом мероприятии, которую каждый участник должен был свято соблюдать, и это приносило свои плоды. Раз за разом на обследование дома у молодых людей уходило все меньше времени. Ну а в целом пока дела шли не очень, а точнее, результат был абсолютно нулевым. Но не это тревожило Игоря. Беспокойство вызывали его конкуренты. После памятной ночной встречи в заброшенном доме, разумеется, в целях предосторожности, Бутовский посредством своих товарищей и собственных усилий наблюдал как за Семеновой, так и за Порошиным с Писаревым. Никто из них совершенно не торопился, как он, обыскивать дома в поселке. Вряд ли они не видели способа или сдались, а значит, чего-то замышляют. Вопрос – что именно? И когда начнут действовать?

В коридор перед аудиторией постепенно прибывал народ. Звучный и веселый галдеж наполнял своды помещений университета. По протертому линолеуму полов лениво передвигались жизнерадостные студенты. Симпатичные девушки постепенно начинали раздеваться до более откровенных нарядов, появляясь в них перед оглядывающимися с открытыми ртами парнями, что всецело указывало на приближающееся, хоть и по северному холодное, но все же лето.

– Привет! Чего такой скучный? – быстро подскочила к Бутовскому рыжеволосая девушка совсем маленького роста и, плюхнувшись рядом с ним на скамейку, громко чмокнула парня в щеку.

– Привет, веснушка, да не выспался просто... – улыбнулся Игорь девушке в ответ, лицо которой действительно было сплошь покрыто мелкими веснушками, что, впрочем, совсем не отнимало у нее умиляющего обаяния, а напротив, только делало эту юную особу более привлекательной.

Девушку звали Женя Евсикова. Бутовскому она являлась одноклассницей и по-настоящему хорошей подругой. Откровенно говоря, Игорь по характеру своему был отъявленным бабником и девушек без капли сожаления разделял на симпатичных и страшных. Всю свою жизнь он полностью избегал серьезных отношений, хотя и, надо отдать ему должное, изначально не врал своим увлечениям среди женского пола, которых было немало, и ни одной не давал повода на ложные надежды. К двум девушкам из своей группы, а Женя была одной из них, он относился как к сестрам, что совершенно точно следовало считать редким исклю-

чением. Женя же, как и ее подруга – Ольга Вельветова, довольствовались, а не иначе как «довольствовались», нынешнюю ситуацию описать было сложно, ведь и та и другая питали к Бутовскому чувства куда более значительные, чем просто дружеские, коих сам парень упорно отказывался замечать. Девушки в разное время, независимо друг от друга пытались признаться Игорю в этом, но тот упрямо стоял на своем. Тогда Оля с Женей, на этот раз уже сообща, выдвинули перед Игорем условие, что раз они только друзья, то парень не будет проявлять того внимания, которое он обычно выказывает своим девушкам, ни одной из них, а если и предпримет попытку, то открыто, с серьезными намерениями и только одной. Бутовский условие это с легкостью принял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.